

МОРФОСИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТОПОНИМОВ В УСЛОВИЯХ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ

Хронологическое описание развития ономастической системы Сибири представлено в связи с этнолингвистической спецификой проживающих в регионе народностей. В процессе анализа лексических, морфологических и этимологических характеристик топонимов ханты, манси, коми выявлены общие закономерности их формирования и особенности морфологической структуры.

Ключевые слова: ономастическая система Сибири, топонимы, морфосинтаксические особенности, межъязыковые контакты.

Цель статьи – показать этнолингвистические особенности, а также общие хронологические закономерности формирования ономастической системы Зауралья. Наиболее устойчивые названия как реликты древних исчезнувших языков привлекают внимание этнолингвистов, решающих проблемы этногенеза и этнической истории. Наибольшей стабильностью, как правило, характеризуются наименования относительно крупных и социально значимых объектов – рек, озер, гор, крупных населенных пунктов, которые используются в качестве широко известного адресата и должны быть консервативны, иначе выполнение адресного предназначения окажется невозможным.

Анализ хронологической ранней топонимии наталкивается зачастую на непреодолимые препятствия. Учет всех возможных факторов, влиявших в течение столетий и даже тысячелетий, в том числе возможное неоднократное заимствование, сопровождающееся закономерными морфонетическими изменениями и фактами народной этимологии, чрезвычайно сложен¹. Однако в обилии топонимического материала практически всегда можно найти подтверждение каких-то языковых и праязыковых морфонетических закономерностей формирования ономастической системы. В бассейнах реки Таза, Пура, Надыма, Полуя, Нижней Оби и Иртыша функционирует гетерогенная топонимическая система, включающая собственно русские и нерусские автохтонные географические названия. Исследователю в этой связи приходится иметь дело с топонимическими пластами, отличающимися неопределенностью языковых границ, конвергентностью и дивергентностью культурно-этнических комплексов, языковые особенности которых в условиях длительного постоянного контактирования значительно нивелировались. Так, консонантизм русских говоров Тюменского Севера испытал сильное влияние диалектов хантыйского и селькупского языков. Последние, в свою очередь, значительно обогатились русскими лексическими заимствованиями, претерпевшими в новой языковой среде определенные изменения.

Этимология отдельного топонима должна опираться на анализ обширного материала, который позволит выявить набор универсальных признаков, увеличивающих этноисторическую достоверность топонимных изысканий. В распоряжении топонимов не так уж часто имеются собственно языковые критерии типа падения редуцированных в древнерусском языке или великий сдвиг гласных в германских языках, поэтому топонимия часто вынуждена обращаться к внеязыковым критериям, связанным с объектом названия: формирование ареалов археологических структур, климатические изменения и т. д. С другой стороны, по мере углубления ономастических исследований становится ясно, что топонимия является элементом системы,

предполагающей образование географических названий по определенным моделям в хронологической последовательности. Отдельные топонимные модели продуктивны некоторое время, и это дает исходную возможность поиска хронологических рамок бытования той или иной топонимной модели. Чрезвычайно ценным в связи с возможностью функционирования топонима даже после утраты создавшего его языка является то, что в топонимических системах в условиях межъязыкового контактирования, присутствуют топонимы иноязычного происхождения, которые являются одним из наиболее существенных источников для решения этногенетических проблем. Распадение угро-финской языковой общности происходило задолго до прихода угров в Западную Сибирь. Современное обозначение понятий «земля», «вода», «река» – *Ю*, *Юг* (коми), *ЙО* (венг.) *ЙА* (манс.), *ЙОВ* (морд.), *ЙОКИ* (фин.), *ЁХАН* (хант.) обнаруживают не только внутреннее генетическое сходство. В условиях языкового контактирования пришельцев-угров с самодийско-селькупским этносом, которое началось, согласно данным археологии, не менее четырех тысяч лет назад, возникают предпосылки лексической контаминации угорско-самодийско-селькупского обозначений «земли», «воды», «реки» (ср.: река – угор. *АХ*, *АХТ*, *ЕХ*, *ЁХАН*, *ЙЫХИ*, *ЕГА*, *ЁГАН*, *ЯГУН*, *ЯГОН* и др., сам. *ЯХА* «река», эвен. *ЯКУ* «болото», *АХА* «дождь»).

В прошлом веке Г. Краэ и В. П. Шмидт на основе этимологической интерпретации европейской гидронимии выработали новую концепцию прародины индоевропейцев и взаимодействия индоевропейских этносов на территории Европы. В финно-угроведении одними из первых были Шёгрэн, Кастрен и Европеус, которые разрабатывали теорию финноязычного происхождения верхнего дославянского слоя топонимии Европейского севера, объясняли истоки загадочной топонимии на территории Финляндии из угорских языков.

Современное исследование выработало целый ряд методов анализа субстратной топонимии, обеспечивающих большую надежность этимологической интерпретации, а также осознало необходимость выявления принципов усвоения иноязычной топонимии топонимической системой-преемником. Без этих систематизирующих знаний этимологическое исследование лишается необходимого каркаса в виде закономерностей языкового взаимодействия контактирующих топонимических систем. Названия видов населенных пунктов могут косвенно указывать на этническое своеобразие местного населения, хотя топонимы такого рода не являются надежными маркерами, указывающими на древнее население, они помогают сузить круг поисков.

Косвенными этническими индикаторами нередко являются наименования, которые так или иначе могут указывать на существование в прошлом языческих представлений: *урочища Божова Гора*, *Лолкерос (гора духов)*, *Тормонех (божья река)* в хант. языке, но подобные факты сложно отделять как от различных образных наименований, так и от официальной и народной христианской терминологии. Ценность топонимии как этноисторического источника вытекает из того, что топоним при возникновении мотивирован, а слово, оказавшееся в основе названия, отражает определенный признак, качество названного объекта. И хотя в ряде случаев мотивы названия (даже при ясной этимологии) остаются затемненными, содержание топонимической основы является существенным источником этнолингвистической и исторической информации.

Историчность топонима связана с тем, что идентификация признака, отраженного в названии, определяется уровнем общественно-исторического развития того коллектива, который создает топонимическую систему. При кажущемся разнообразии топонимов на самом деле набор моделей достаточно ограничен. Выявляется множество повторяющихся топонимов: чем шире территориальные границы привле-

каемого материала, тем больше повторений. В условиях единой культуры, сходных географических условий представления людей об окружающем мире в основных, определяющих чертах аналогичны. Создается психологическая предпосылка для выбора одного и того же признака географического объекта в качестве мотива номинации на разных территориях. Названия, данные народом, находившимся в момент номинации на более низком уровне общественных отношений, нередко нагляднее и образнее, а топонимы, указывающие на события, связаны в большей степени с кочевым бытом, чем с земледельческим².

Первый этап появления топонимов именуется «прагматическим», т. к. топонимия достаточно последовательно отражает то, что целесообразно с точки зрения хозяйственного назначения. Основа номинации – географическая реальность как объект хозяйственного использования. В соответствии с этим объекты ландшафта получают названия, не существует безымянных рек, озер, водоемов: даже те, которые располагались в глубинах лесов, далеко от поселений, были функциональны в качестве водных путей. В то же время огромные лесные массивы не имеют особых названий: очевидно, нужды населения обеспечивались лесами, прилегающими к поселению. К тому же леса, находившиеся во владении казны, были во многом недоступны для местных крестьян. Возвышенные участки рельефа (горки, холмы, кряжи) в силу того, что к ним привязываются и поселения, и сельскохозяйственные угодья, интересуют людей значительно больше, чем низинный рельеф. Из всего многообразия мира флоры в топонимии закрепились прежде всего те номинации, которые имеют определенную практическую ценность для человека, ибо они находили широкое применение в жизни местного населения.

Специфика топонимии Зауралья состоит в том, что она значительно более образна, в ней ощущается персонификация реалий окружающей природы, в ней сильны мифологические представления. В этом отражается отношение к миру, к природе в условиях промысловой культуры, значительные элементы которой до сих пор сохраняются, а в недавнем прошлом были преобладающими. На протяжении почти четырехсотлетнего изучения западно-сибирского региона и формирования его населения главными задачами были анализ этносовета и мест расселения, социальное положение, род занятий, быт, общие особенности языка, фольклора, положительное воздействие русского участия в освоении региона.

В русских источниках местожительство финно-угорских народов упоминается в «Повести временных лет». В XV веке коми-пермяцкая земля стала составной частью Московской Руси, Югорское и Кондинское княжества платили дань Новгороду, а затем Москве. В титуле московских государей до 1606 года указывалось, что они являются повелителями Обдорских, Кондинских и Югорских земель.

В топонимии Зауралья наблюдаются резко выраженные диалектные различия как в области фонетики, так и лексики. Попытка сгруппировать лингвоэтнические знаки, относящиеся к гидрообъектам – словам, обозначающим тип водотока – реки, речки, ручьи, притоки, ключи и др., включая обозначения их особо отличительных характеристик: ширина, глубина, судосходность, наличие рыбы, цвета воды и т. д., приводит автора к мысли о разнообразии лексем и их морфологической универсальности. Вариативность лексемы, ее диалектная окраска представляет наибольший интерес. Так, в мансийских говорах *ари* – речка, *ас* – большая река, *ах* – небольшая река, *ах/ахт* – речка, соединяющаяся с озером, *посал* – протока, *сойм/союм* – родник, *сос/шош* – ручей, *сунт* – устье реки, *ялуп* – ключ. Важно отметить, что количество знаковых единиц для проточных источников в диалектах различно: манси – 14, ханты – 25, ненцы – 12, селькупы – 18. Набор русских по происхождению гидроапелля-

тивов более ограничен – река, речка, ключ, родник, исток и другое. В Тюменской области свыше 300 тысяч болот и озер. Однако в языках автохтонных жителей Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов эти многочисленные гидрообъекты обозначены относительно небольшим числом номенов: манси – 10, ханты – 9, селькупы – 6. Проведя анализ сходных по звучанию и значению ономов, выявляем параллели:

<i>Река: Ась (манс.)</i>	<i>Ас (хант.)</i>
<i>Родник: Сойм (манс.)</i>	<i>Саис (хант.)</i>
<i>Протока: Посал (манс.)</i>	<i>Пасыл (хант.)</i>

Западные диалекты называют собственно хантыйскими, близкими другим угорским языкам, а восточные – кантыкскими, которые сближаются с финно-угорскими языками. В свою очередь в хантыйских диалектах различаются говоры обдорских, березовских, кондинских, демьянских, васюганских, салымских и других хантов. В мансийском языке также выделяют несколько диалектных групп: западную (с пелымским и вагильским диалектами), восточную (с нижнее-средне- и верхнекондинским диалектами), южную (с Тавдинским диалектом) и северную. В коми-зырянском языке выделяют не менее десяти наречий, которые в Нижней Оби еще недостаточно исследованы.

Отличительным особенностям топонимообразования в языках ханты, манси и коми зырян в сопоставлении с русским языком посвящены исследования Н. К. Фролова. По мнению автора, угро-финские названия традиционно делятся на простые (однокорневые), сложные (из двух и более корней) и составные (из двух и более слов). Простые топонимы, представляющие собой однокорневую морфему или сочетание корневой и аффиксальной морфем, достаточно легко усваиваются русской языковой средой, например: *Еган, р.*, *Эмтор, оз.*; *Янга, б.*

Сложные топонимы являются наиболее продуктивными образованиями в языках-источниках. Основной смысл названия определяется препозитивным компонентом, отражающим связь названия с окружающей фауной и флорой, например: *р. Лёзьшёр* (синий ручей), *оз. Съёзты* (черное озеро), *оз. Кузьты* (длинное озеро), *оз. Яраньты* (ненецкое озеро). Трехкомпонентные модели имеют место в случаях использования двух определений с одним детерминативом, например: *р. Эльтыель* (Алексеев озерный ручей), *р. Сёраньсойтдор* (около зырянского моста речка).

Хантыйские топонимы состоят из двух и реже трех-четырех компонентов: определения (это обычно имя существительное, прилагательное, причастие или числительное) и детерминатива, указывающего на тип объекта, например: *р. Ненгпёх* (лиственничная река), *д. Сугмитынгорт* (березовое озеро), *р. Техрынгёган* (заячья река), *р. Вэскъягун* (утиная река), *р. Айпox* (маленькая речка). Более сложные структуры представлены сочетаниями: *р. Айвольтысойм* (маленького зверя ручей), *оз. Айхотанлор* (малое лебединое озеро), *р. Нехпельеган* (лосиное ухо река), *Панипослор* (налимьей протоки озеро), *Эллёкулынглор* (большой рыбы озеро).

Таким образом, угро-финская топонимия региона отличается преобладанием двучленных структур, которые воспринимаются на русской почве одним назывным словом. Схематически модели коми-зырянских, хантыйских и мансийских географических названий можно представить в виде сочетаний существительного, прилагательного, причастия и числительного с детерминативом. Большая часть таких сочетаний пишется слитно или через дефис: *Айпех и Ай-пех*, *Воингъя и Воинг-я*, *Тромъеган и Тром-еган*. Это в полной мере зависит от орфографических традиций, хотя в последнее время наблюдается тенденция слитного написания старых и новых заим-

ствований. Следовательно, различие сложных и составных названий характеризуется условностью, за исключением случаев функционирования многословных топонимов, например: *р. Ен-Инки-Пох* (ячмень-суп-река), *р. Пыхты-Нёгос-Ыгай* (черный соболя-речка), *р. Кор-Вер-Юр-Урий* (болото-запор-дерево-речка), а также гибридных названий: *д. Верх-Рынья*, *д. Вершина Войкар*, *пос. Нижние Нарыкары*.

В процессе русской адаптации сложно-составные названия часто подвергаются усечениям в конце или середине слова. Ср.: *д. Ахман* – *Ахт-манья*, *р. Чия* – *Чия-ю*, *р. Егор-еган* – *Егархан-ехан*, *оз. Пильтанкор* – *Пильтан-еган-туй-лор*.

При анализе семантики угро-финских названий прежде всего обращает на себя внимание ясность мотивировки, бытовая обусловленность номинации объектов. Лес и река, тундра и озеро являлись источником жизнедеятельности местных жителей, они давали жилье, кормили и одевали, поэтому вопрос о том, что важно отразить в названии, решается исходя из практической деятельности человека, его связи с природой. По способу выражения семантической мотивированности коми-зырянские, мансийские и хантыйские географические названия можно разделить на две группы: топонимы, отражающие непосредственное отношение человека к природным объектам, и топонимы, отражающие деятельность человека опосредованно. В создании топонимов первой группы используются слова, обозначающие принадлежность, основным подтверждением этому является использование антропонимов, этнонимов, терминов родства и социального положения, выступающих в роли определения в препозиции к индикатору: коми-зырян. – *Анисимшиор*, *руч.* (Анисима ручей), *Коняй-ты*, *оз.* (Коняево озеро); хант. – *Каврилатоух*, *оз.* (Гаврилы озерко), *Тогайсойм*, *рч.* (Тогая ручей); манс. – *Васьканёл*, *уроч.* (Василия мыс), *Сидорпавыл*, *д.* (Сидорово стойбище), *Тимкапаул*, *д.* (Тимки деревня).

Вторая группа названий относится к апеллитивам, обозначающим отличительные особенности реалий, их местонахождение или содержащим информацию об окружающей фауне и флоре. Семантическое поле входящих сюда топонимов весьма широко, поскольку содержит многообразие лексико-семантических типов названий, продуктивных в словообразовательном плане. Приведем в качестве иллюстрации лишь наиболее типичные наименования, отражающие форму, величину объекта: коми-зырян. – *Векышты*, *оз.* (кривое), *Кузьты*, *оз.* (длинное); хант. – *Айась*, *р.* (Малая Обь), *Унпосл*, *рч.* (узкая протока); манс. – *Лаквтур*, *оз.* (круглое), *Осья*, *р.* (узкая).

В угро-финской топонимии распространены топонимы с атрибутивным компонентом, отражающим вкус, запах, температуру воды, особенности дна, берегов, ориентир, по отношению к близлежащему объекту, указание на место начала реки, скорость течения водотока и др. Особенно продуктивными являются семантические типы образований, указывающие на фито-зоонимические особенности реалий животного мира: коми-зырян. – *Ошель*, *рч.* (медвежья), *Кочшор*, *руч.* (заячий), *Кушты*, *оз.* (орлиное), *Гычты*, *оз.* (карась); хант. – *Курынгвойсойм*, *рч.* (лосиный ручей), *Васых*, *р.* (утиная), *Лэнтыхай*, *рч.* (гусиная). Все примеры засвидетельствованы на территории Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов.

Классификация топонимов по семантике исходных апеллитивов дает возможность установить состав лексики, служащей базой топонимии, определить тематические группы названий и тем самым выявить закономерности номинации. Результаты семантического описания топонимии являются одним из показателей социально-экономического фактора развития региона, его природных ресурсов, духовной культуры коренного населения. Собственно лингвистический аспект семантического анализа важен для этимологической интерпретации топонимов, где проявляются общие закономерности формирования угро-финской ономастической системы.

Современный этап исследований Сибири отличается научным подходом к всестороннему объяснению общественных явлений в их эволюции. Дифференцированы пути географического, историко-этнографического и филологического аспектов изучения проблемы, возросла роль языковедческого фактора, о чем свидетельствует появление большего числа лингвистических работ, среди которых выделяются и собственно топонимические, где описаны лингвистические интерпретации топонимики в плане народного этимологизирования названий в прошлом³.

Русское освоение Зауралья, начавшееся после XII века, нашло известное отражение в научных изысканиях по проблемам восточной русской экспансии, этнической истории и контактов русского и коренного населения⁴. В последнее время обострился интерес к вопросам региональной топонимии. Среди проблем исторического формирования системы русской топонимии в Сибири первостепенной является задача обнаружения источников возникновения лексической базы топонимии. Основной целью ономастического исследования, по мнению А. А. Белецкого, является задача культурно-исторического, лингвистического и хронологического описания⁵. Более поздним слоем в топонимии Западной Сибири, по справедливому замечанию И. А. Воробьевой, является русская топонимия, отличающаяся от русской топонимии Центрального региона России спецификой хронологизации и пространственного размещения топонимических пластов⁶. Система русской топонимии Зауралья за четыре столетия своей эволюции обнаруживает аспекты собственной стратиграфии. Однако основные ее тенденции нельзя рассматривать изолированно от общерусской топонимики, несомненна их генетическая связь.

Таким образом, состав русского населения предопределил особенности формирования русской топонимической системы Сибири: во-первых, за счет усвоения пришельцами географических названий аборигенного населения, во-вторых, путем переноса названий из европейской части России, в-третьих, за счет постоянно возникавших новых названий, в-четвертых, за счет развития эндемических процессов на основе контаминации многих диалектов и языков старожильского говора. Следствием всего этого явилось создание региональной русской топонимической системы Зауралья, отличающейся лексическим, морфосинтаксическим своеобразием и этнолингвистической спецификой.

Примечания

¹ Фролов, Н. К. Семантика и морфемика русской топонимии Тюменского Приобья / Н. К. Фролов. – Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 1996. – С. 113–160.

² Матвеев, А. К. Этимологизация субстратных топонимов и апеллятивные заимствования / А. К. Матвеев // Этимология. – М. : Наука, 1973. – С. 332–355.

³ Серебренников, Б. А. Территориальная и социальная дифференциация языка / Б. А. Серебренников // Общее языкознание. – М. : Наука, 1970. – С. 451.

⁴ Ромбандеева, Е. И. Мансийский язык / Е. И. Ромбандеева // Языки народов СССР. Т. 3. – М. : Наука, 1966. – С. 343–362.

⁵ Белецкий, А. И. Лексикология и теория языкознания / А. И. Белецкий. – Киев : КГУ, 1972. – С. 12–17.

⁶ Воробьева, И. А. Топонимика Западной Сибири / И. А. Воробьева. – Томск : ТГУ, 1977. – С. 5–47.